

Чи Хань убрал посуду в кухню, вернулся к столу и одним размашистым движением забросил рюкзак за плечо. Лихо, без лишней суеты шагнул за порог — весь его вид так и сквозил нарочитой небрежностью.

Мо Хань, подгадав время, наскоро доел завтрак и унёс тарелку в раковину. Проходя мимо приоткрытой входной двери, он мысленно выругался: ну кто оставляет её нараспашку? Опять дежурный вахтёр заглянет и прочитает лекцию по технике безопасности.

Обычно он просто захлопывал дверь не глядя, но сегодня почему-то решил высунуть голову на лестничную площадку. И застыл.

Привалившись спиной к побелённой стене и лениво вытянув свои длинные ноги, в коридоре стоял Чи Хань. Скрестив руки на груди, он повернулся к Мо Ханю в профиль. Единственное окно в подъезде улавливало скупые утренние лучи, щедро подсвечивая точёный силуэт парня. Резкие очертания лица, длинные изогнутые ресницы, безупречная линия носа и едва заметная полуулыбка, похожая на изгиб молодого месяца — в ней таилось какое-то странное очарование. Каждая черта его лица казалась выверенной, будто сошедшей со страниц манги.

Когда Чи Хань не открывал рот, он выглядел на удивление поэтично.

— Ты ещё не ушёл? — удивился Мо Хань. — Чего тут стоишь?

И тут до него дошло. Последние несколько дней они уходили вместе, но обычно именно Мо Хань заканчивал завтрак первым и терпеливо ждал младшего. Сегодня же он замешкался. Неужели мелкий ждал его?

Чи Хань наконец соизволил повернуться к нему:

— Идёшь?

На нормальный человеческий это переводилось примерно так: «Разуй глаза, идиот. Я торчу здесь целую вечность, а ты ещё тупишь и задаёшь дурацкие вопросы вместо того, чтобы шевелить булками».

Мо Хань не стал испытывать терпение угрюмого подростка. Он мгновенно нырнул обратно в квартиру. Из глубины прихожей донёсся стремительный шквал шорохов, стуков и звяканий, и вот уже Мо Хань, нацепив вполне приличный вид, выскочил наружу с рюкзаком в руках. Коротко свистнув Чи Ханю, он увлёк его за собой, и парни один за другим вышли со двора.

На улицах торопливо шагали редкие прохожие — местные клерки и работяги. Просыпались они в один час со школьниками и теперь, постоянно сверяясь с часами, трусцой бежали к остановкам, надеясь втиснуться в утренний автобус.

Майское утро дышало приятной прохладой. Золотистые блики весело прыгали по тротуару, озорно раскрашивая тенистую аллею под ногами в причудливые узоры.

Рядом неприкаянной тенью плыл Чи Юэ. Он упивался тишиной и жадно вдыхал чистый воздух, ещё не отравленный бензиновой гарью.

— Как же хорошо, — протянул он. — Единственное место, где запах остался прежним.

Раньше он вечно мотался по делам в самом центре мегаполиса, где приходилось изо дня в день дышать чужим потом, дешёвым парфюмом и едким выхлопом бесконечных автомобильных пробок.

Мо Хань молча слушал. Чи Нань шёл чуть впереди, так что заговорить с призраком было нельзя — сразу прослывёшь сумасшедшим.

— О, слушай! — оживился Чи Юэ. — Я же помню, тут неподалёку была отличная забегаловка. Там ещё подавали шикарную лапшу с говядиной. И чистенько всегда было, и вкусно.

«И что? Мне тебе её заказать прикажешь?» — съязвил про себя Мо Хань.

Поняв, что играть в одни ворота неинтересно, призрак наконец заткнулся и перевёл взгляд на Чи Наня, который уже почти сравнялся ростом с Мо Ханем.

— Надо же, — удивился Чи Юэ. — А я и не замечал. Сяо Нань вымахал почти с тебя. Ему же ведь только-только четырнадцать исполнилось, да?

«Генетика у вас семейная какая-то бракованная, — мысленно хмыкнул Мо Хань. — Мутанты акселероподобные».

— Судя по всему, если вы когда-нибудь сцепитесь, тебе несдобровать, — хмыкнул призрак.

«Что за человек? Спит и видит, как мы дерёмся», — возмутился Мо Хань, хотя, здраво рассудив, признал, что доля правды в словах покойника есть. Он едва заметно кивнул собственным мыслям.

Вдруг мимо них пронёсся велосипед. Парень за рулём резко затормозил, со свистом чиркнув кедами по асфальту.

— Мо Хань, ты чего завис? Идёшь и башкой трясёшь, как китайский болванчик.

Велосипедистом оказался Е Сяе — старый приятель Мо Ханя, с которым они дружили с самого

детства. Они учились в параллельных классах и, несмотря на всю свою придурковатость, отлично ладили.

— Сяо Нань, глянь на своего брательника, — хмыкнул новоприбывший. — Плетётся сзади и кивает, будто мяч чеканит. У него что, Паркинсон начался?

Над головой Мо Ханя мысленно пронеслась стая издевательски каркающих ворон. Он одарил друга взглядом, обещающим скорую расправу:

— Е Сяе, ты сегодня зубы почистить забыл или просто напросился?

Имя Е Сяе звучало довольно поэтично, хоть и с лёгкой долей странности. Сам парень от него прямо-таки тащился. Главный плюс заключался в том, что если Сяе проигрывал спор, где на кону стояло обещание прочитать имя задом наперёд, он ничем не рисковал. Читай не читай, всё равно выйдет «Е Сяе».

Сяе спешился и пошёл рядом, ведя велосипед за руль. Он пристроился к Мо Ханю сбоку, ненароком загородив собой полупрозрачного Чи Юэ. Призрак вспыхнул от негодования, но сделать ничего не мог и под весёлым взглядом Мо Ханя просто перелетел на другую сторону улицы.

— Опять угадал! — жизнерадостно отозвался Е Сяе. — Я сегодня перед выходом устроил сеанс гадания, и знаешь, какое выпало ключевое слово? «Напросился»! Это судьба, чувак. Видно, тебе на роду написано быть моим господином-садистом.

Договорив, он с самым кокетливым видом привалился плечом к Мо Ханю.

Тот брезгливо отпихнул его кулаком:

— Сгинь, извращенец. Свои влажные фантазии дома реализуй, наедине с собой.

— Ну зачем ты так? — Сяе томно подмигнул, искренне считая себя неотразимым пикапером. — Если не хочешь доминировать сам, я могу взять эту роль на себя.

Мо Хань лишь хищно прищурился:

— Давно пешком не ходил? Хочешь вспомнить, как я мастерски спускаю колёса лёгким движением ноги?

В средних классах Мо Хань изобрёл коронный приём: он упирался носком кеда в ниппель велосипедного колеса, резко проворачивал стопу — и воздух выходил за секунду. На школьной парковке он как-то раз ради шутки спустил шины у сорока восьми велосипедов меньше чем за

минуту, установив абсолютный рекорд школы.

С тех пор никто из местных велосипедистов не рисковал его злить, справедливо опасаясь за здоровье своих двухколёсных коней.

Угроза подействовала мгновенно. Е Сяе, не успевший пройти и пары шагов, пулей запрыгнул в седло и рванул с места, не оборачиваясь.

Кому охота тащить на себе мёртвый груз со спущенными шинами вместо того, чтобы лететь в школу с ветерком? Сяе прекрасно понимал: минутная дерзость обернётся получасовым опозданием на первый урок. Мо Хань умел доходчиво объяснять, кто тут босс.

Удирая во весь опор, он чуть не сбил Чи Наня, заставив того недовольно нахмуриться.

— Слушай, а почему он так испугался этого трюка с колёсами? — полюбопытствовал Чи Юэ, который не застал триумфа своего подопечного.

— Потому что ходить пешком — вредно для здоровья, — философски отозвался Мо Хань.

Маленький утренний инцидент исчерпал себя. По тенистой аллее шли двое, хотя на самом деле их было трое — живые и мёртвый. Прекрасный, будто сошедший с журнальной страницы подросток, отмеченный редким даром парень и самовлюблённый призрак. Ступая след в след по чужим теням, они скрылись за поворотом.

Первые два урока пролетели незаметно. Учительница литературы уехала на курсы повышения квалификации, и класс оставили на попечение классного руководителя. До экзаменов оставалось чуть больше полутора месяцев, так что расслабляться никто не собирался — весь класс дружно корпел над тестами. В кабинете стояла звенящая тишина, нарушаемая лишь дружным шорохом грифелей и ручек по бумаге.

Мо Хань для вида решил пару задач, но быстро заскучал. Отложив ручку, он подпёр щеку ладонью и уставился на Чи Юэ, который устроился на подоконнике и лениво болтал ногами.

Прикрыв лицо тетрадкой от бдительного взгляда соседа по парте, Мо Хань заговорщицки улыбнулся и послал призраку воздушный поцелуй.

Чи Юэ подыграл: поймал воображаемый поцелуй ладонью, шутливо прижал пальцы к губам и изящным жестом отправил его обратно. Мо Хань, стараясь не привлекать внимания, забавно приоткрыл рот, делая вид, что ловит и проглатывает его на лету.

Но, как известно, за всяким безудержным весельем неизбежно следует расплата. Нелепый жест Мо Ханя тут же засёк классный руководитель, неусыпно патрулировавший ряды.

Их взгляды встретились. Вся романтика момента мгновенно испарилась.

Классный поджал губы и с самым зловещим видом, медленно, словно вестник скорой кончины, двинулся к его парте.

— На что любимся, Мо Хань? Проголодался?

Если бы Мо Хань решился сказать правду, он бы ответил, что прямо сейчас рядом с учителем парит призрак. Но прослыть сумасшедшим не хотелось.

— Нет, учитель. Просто практикую глубокое дыхание.

Учитель, повидавший на своём веку не одно поколение выпускников, лишь скептически прищурился:

— Дыхание? Дома дышать будешь. А сейчас марш за работу! Хватит витать в облаках. Думаешь, я не вижу, как ты маешься? До экзаменов считанные дни остались, а у тебя в голове одна весна. Давай-ка соберись, сдашь тесты — и дыши сколько влезет.

— Да-да, конечно. Вы абсолютно правы, — закивал Мо Хань, демонстрируя глубокое раскаяние.

Стоило монументальной фигуре классного руководителя, перекрывавшей, казалось, даже сигнал сотовой связи, отойти подальше, как Мо Хань столкнулся со свирепым взглядом Чи Юэ.

Убедившись, что надзиратель ушёл на безопасное расстояние, парень быстро начеркал в тетради вопрос и показал призраку:

«Что стряслось?»

— Да твой классрук широк как стена общественного туалета! — тут же вскипел Чи Юэ. — Из-за него тебя вообще видно не было!

Мо Хань прыснул и быстро дописал:

«Стена туалета? Ха-ха, отличное сравнение».

— Скука смертная, — вздохнул призрак, уныло подперев подбородок. — Скорее бы вечер. Днём я вообще ни на что не годен. Бесит.

Мо Хань прекрасно его понимал. За девять лет совместной жизни он научился читать мысли этого паразита как открытую книгу. Но раз уж связался с призраком, приходилось терпеть все его капризы.

Мо Хань снова взялся за ручку:

«Кстати. В обед возвращайся домой вместе с Чи Нанем. У меня появились дела, буду поздно».

— Это ещё какие дела? — прищурился Чи Юэ.

«Не спрашивай. Сам разберусь».

Мо Хань повернулся к своему соседу по парте Тянь Куну и тихо шепнул:

— А-Тянь, после уроков встретишь Сяо Наня — передай, пусть идёт домой один и меня не ждёт.

— Ладно, сделаю, — кивнул староста.

Чи Юэ недоверчиво сощурился. В голове призрака тут же зароились подозрения: «Неужели этот придурок опять ввязался в какую-то разборку? Или у него свидание с кем-то, о ком мне знать не положено?»

Мо Хань словно прочитал его мысли и поспешно вывел на полях:

«Дружище, побереги извилины. Твоему и без того скромному интеллекту вредно так напрягаться».

«Язва ходячая... — беззлобно подумал Чи Юэ. — Ни единого шанса подколоть не упустит».

После звонка на обеденный перерыв Чи Юэ улетел домой, а Мо Хань направился напрямик к корпусу искусств.

В этом здании ютились все творческие кружки и секции. В своё время Мо Хань руководил местным Клубом уличных танцев, но после одного инцидента хлопнул дверью и ушёл с поста председателя. Тем не менее, сегодня его привело сюда дело именно к бывшим единомышленникам.

— Ба, какие люди! Неужели сам наш великий и амбициозный бывший председатель снизошёл до визита? Какими судьбами?

Голос сочался неприкрытым ядом. Линь Фэй — а это был именно он — всегда отличался

скверным, завистливым характером, да и внешность у него была под стать натуре: хищная, с бегающими глазками.

Мо Хань пропустил колкость мимо ушей и спокойно ответил:

— Линь Фэй, я здесь не для того, чтобы лаяться с тобой. Если хочешь высказать мне свои обиды — давай в другой раз. Я пришёл по делу: у клуба намечаются коммерческие выступления в ближайшее время?

Вся клубная деятельность в школе обычно держалась на голом энтузиазме и редких спонсорских крохах, которые выбивал отдел по связям с общественностью. Коммерческие же показы были совсем другим делом — за них платили реальные деньги, которые шли либо в личный карман танцоров, либо в общий фонд клуба.

— Надо же, — язвительно усмехнулся Линь Фэй. — Ты ведь сам ушёл, а теперь припёрся урвать кусок от нашего пирога? Даже не думай, ловить тебе здесь нечего!

Став главой клуба после ухода Мо Ханя, Линь Фэй установил здесь жёсткие, почти армейские порядки. На каждой общей лекции он без усталости твердил о «высшем благе коллектива», выставя Мо Ханя главным козлом отпущения и живым примером того, как поступать не надо. Линь Фэй ненавидел предшественника так сильно, будто тот лично нанёс ему кровную обиду.

— Ясно. Вопросов больше нет, — пожал плечами Мо Хань.

Тратить нервы на препирательства с этим ничтожеством не хотелось. Всё равно ничего не докажешь, только время потеряешь.

«Ладно, поищу другие варианты», — решил Мо Хань. Медлить было нельзя: кровь из носу, но сегодня вечером он обязан забрать из приюта ту самую сиба-ину.

<http://bllate.org/book/19807/2029492>